

ПРАВО

УДК 342.4

*Е.С. Аничкин*ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ

Исследуется феномен преобразования Конституции России, т.е. изменения смысла отдельных конституционных норм при сохранении формальной неприкосновенности текста. Преобразование рассматривается как оптимальный в настоящее время вариант развития российской Конституции. Выявлены и проиллюстрированы примерами внеправовые и правовые причины преобразования действующей Конституции.

Ключевые слова: конституция; преобразование; нарушение; закон.

Рассматривая процесс развития всякой писаной конституции, в том числе Конституции РФ, важно обратить внимание на ряд обстоятельств, позволяющих отчётливо увидеть природу, содержание и практическое значение этого процесса. Ведь трудно не согласиться с мнением юристов XIX–XX вв. о том, что между формальной юридической конституцией, с одной стороны, и «живой» конституцией, с другой стороны, существуют определённые различия. Стремительно развивающаяся со времени принятия в 1993 г. Конституции РФ конституционная практика свидетельствует о том, что трансформация конституционных норм может происходить и без формального вторжения в текст Основного закона. Другими словами, наблюдается своеобразное «преобразование» Конституции РФ – существенное изменение действительного (первоначального и (или) буквального) смысла конституционных положений. При этом «преобразование» представляет собой реальную альтернативу текстуальным изменениям действующей Конституции (поправки, пересмотр).

Категория «преобразование конституции» правовой науке известна давно. Ещё на рубеже XIX–XX вв. она была введена в научный оборот и исследована немецким государствоведом Г. Еллинеком, понимавшим под «преобразованием» конституции «те изменения, которые оставляют её текст в прежнем виде и вызываются фактами, не связанными непременно с намерением произвести такое изменение, или с сознанием, что последнее обязательно произойдёт» [1. С. 5]. Возможность нетекстуальных изменений конституции признавалась в российской юридической науке дореволюционного [2. С. 156–157] и советского [3. С. 4, 8, 12–14] периодов.

Применительно к действующей российской Конституции исследуемый феномен воспринимается в научной среде неоднозначно. Сторонники текстуальной модификации Конституции РФ оценивают мнения о происходящем «преобразовании» конституции как спорные [4. С. 41] или неверные в принципе [5. С. 74–75]. Другие, напротив, полагают, что оптимальным вариантом развития Конституции РФ в современных условиях выступает именно «преобразование» [6. С. 105–112]. В некоторой мере эта установка обусловлена позицией правящих сил – сторонников неприкосновенности действующей Конституции. Так, бывший Президент РФ В.В. Путин неоднократно заявлял: «Ресурсы Конституции далеко не исчерпаны. И об этом должны хорошо помнить те, кто

пытается спекулировать на теме возможных поправок к Основному закону» [7. С. 4].

Сторонниками «преобразования» Основного закона справедливо обосновывается необходимость максимального использования заложенного в действующей Конституции потенциала и, как следствие этого, обеспечения стабильности всей правовой системы государства. Учитывая формально-юридические недостатки Конституции РФ и изменения общественно-политической ситуации в стране со времени её принятия, представляется, что наиболее правильным и спокойным вариантом является не радикальное либо частичное реформирование нашей Конституции, а её постепенная и осторожная адаптация к велениям времени. «Преобразование» Конституции РФ, осуществляемое, главным образом, посредством текущего федерального законодательства и постановлений (определений) Конституционного Суда РФ об абстрактном и казуальном толковании Конституции РФ, позволит ослабить фиктивность «формальной конституции» и в то же время усилит её адекватность «фактической конституции». В этой связи следует согласиться с мнением Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, согласно которому нашу Конституцию как богатейшую кладовую неясных знаний «следует не править, а интерпретировать» [8. С. 3]. Таким образом, категория «преобразование» Конституции РФ имеет право на существование и всестороннее исследование.

При исследовании феномена «преобразования» конституции, в первую очередь, возникает вопрос о причинах, способствующих данному процессу. В силу всеобъемлющего влияния конституции на правовое регулирование жизни индивида, общества и государства причины, обуславливающие её преобразование, могут быть различными. В частности, по своему содержанию причины могут быть внеправовыми и правовыми.

Внеправовые причины связаны с социально-экономическими, политическими и духовными процессами, происходящими в современном российском обществе. Внеправовые причины имеют естественный характер, отличаются ситуативностью и первичностью по отношению к правовым причинам. В свою очередь, внеправовые причины могут быть подразделены на объективные и субъективные.

Внеправовые объективные причины сводятся к изменению общественно-политической и экономической

обстановки, обуславливающему новые тенденции развития и общественные ожидания. Это, в свою очередь, влечёт за собой некоторое отставание конституционного текста от сформировавшихся реалий и устаревание первоначального смысла той или иной конституционной нормы. Ещё Г. Еллинек в начале XX в. по этому поводу писал: «Возможность сковать навсегда поток истории плотинами правовых норм исчезает, как только познанию открываются элементарные силы исторического движения, которые там, где того требует властвующая над государствами и народами необходимость, вдребезги разбивают действующее право, чтобы вызвать к жизни новые порядки» [1. С. 18]. Объективные причины преобразования Конституции России коренятся среди прочего в продолжающейся целенаправленной перестройке ранее господствовавших социалистических общественных отношений в различных сферах функционирования общества и государства, углублении реформирования экономики, подвижности и неустойчивости социальных отношений, выстраивании внутренне согласованного и эффективно действующего механизма публичной власти на федеральном, региональном и местном уровнях, достаточно сложном и противоречивом процессе формирования оптимального соотношения интересов личности, общества и государства.

Примечательно, что ссылка на «изменение обстоятельств» содержится в ряде постановлений Конституционного Суда РФ. В п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. по делу «О проверке конституционности отдельных положений ст. 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» Суд отметил: «По смыслу изложенных правовых позиций... федеральный законодатель вправе устанавливать требования к численному составу политических партий исходя из конкретно-исторических условий развития Российской Федерации; данные требования... объективно обусловлены решаемыми в законодательном порядке задачами в сфере развития политической системы...» [9].

Иногда ссылкой на «изменение обстоятельств» Конституционным Судом РФ обосновывается фактическое преобразование Конституции РФ. Например, Определением Конституционного Суда РФ от 5 июня 1995 г. было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С.В. Трошина, в которой оспаривалась конституционность ст. 4 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в части установления запрета на приватизацию жилых помещений в коммунальных квартирах. Однако в Постановлении от 3 ноября 1998 г. (п. 2) по этому же вопросу в качестве основания для принятия решения Суд привёл следующую аргументацию: «В настоящее время состояние экономики Российской Федерации, недостаток финансовых средств на социальные нужды не дают оснований рассчитывать на ликвидацию в обозримом будущем коммунальных квартир как вида жилищного фонда социального использования» [10]. С учётом этого Суд изменил конституционно-правовое значение оспариваемых положений Закона и признал их не соответствующими ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции

РФ. Тем самым, под воздействием объективных обстоятельств Суд отошёл от первоначальной правовой позиции и осуществил новое прочтение ст. 19 Конституции РФ. Если в Определении от 5 июня 1995 г. Суд констатировал, что «ссылка заявителя на ст. 19 Конституции Российской Федерации произвольна, поскольку запрет на приватизацию комнат в коммунальных квартирах... является универсальным, не содержит каких-либо изъятий по признаку социальной, национальной или иной принадлежности и применяется ко всем гражданам без исключения», то в Постановлении от 3 ноября 1998 г. указал, что такого рода запрет «фактически означает законодательное закрепление неравенства прав граждан в зависимости от условий их проживания» [10].

Внеправовые причины субъективного характера также имеют несколько основных проявлений. К их числу могут быть отнесены, в частности, смена лидера государства и вызванное этим изменение политического курса; смена политической элиты (например, в результате изменения соотношения сил в парламенте страны); особенности взаимоотношений общегосударственной и региональных элит; баланс сил высших органов законодательной и исполнительной власти; наличие политического давления на законодателя и (или) орган конституционного контроля в условиях авторитарного государственного режима; уровень согласия основных социально-политических сил в обществе; обеспечение интересов определённой категории лиц в ущерб остальным.

Так, усиление центристских тенденций во внутрифедеративных отношениях ослабило самостоятельность субъектов РФ и укрепило их зависимость от федерального центра. В этих условиях обнажились недостатки вертикальных внутрифедеративных договоров, в связи с чем федеральный центр взял курс на аннулирование действующих и ограничение появления новых договоров. Названная перспектива была подтверждена Президентом РФ в его Послании Федеральному Собранию 2001 г. В нём бывший глава государства В.В. Путин особо подчеркнул, что определение конкретных полномочий центра и субъектов РФ в рамках их совместной компетенции должно осуществляться «именно федеральными законами и прежде всего федеральными законами» [11. С. 2]. Легальная основа свёртывания договорного процесса была заложена в ст. 26.7 Федерального закона от 6 октября 1999 г. (в редакции от 4 июля 2003 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно Закону заключение внутрифедеративных вертикальных договоров возможно только в случае, «если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта Российской Федерации, и в той мере, в которой указаны особенности определены иное, чем это установлено федеральными законами, разграничение полномочий» [12]. Из этого следует, что, во-первых, установлен приоритет федерального закона по отношению к договору, во-вторых, возможности субъектов РФ по заключению договоров оказались значительно сужены, поскольку не каждый из них в состоя-

нии обосновать необходимость заключения подобного договора. В результате изменения политической практики оказались нейтрализованы положения ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, предусматривающие разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов посредством соответствующих договоров.

Причины юридического характера связаны с особенностями содержания конституции страны и состоянием текущего законодательства. Они характеризуются статичностью (вплоть до неустраимости) и производностью по отношению к внеправовым причинам. Правовые причины преобразования Конституции РФ, как представляется, могут быть трёх видов. Во-первых, существуют обстоятельства, вызванные несовершенством самой Конституции РФ, невысоким качеством изложения её текста. Во-вторых, заявляет о себе повышенная сложность текстуальной модификации действующей Конституции РФ на фоне необходимости в оперативных и существенных изменениях правового регулирования тех или иных общественных отношений. В-третьих, предпосылки преобразования Конституции РФ в определённой мере заложены в некоторых нормах текущего законодательства.

Первой юридической причиной преобразования Конституции РФ является несовершенство её содержания. Основными дефектами действующей Конституции являются, на наш взгляд, наличие текстуально-правовых конфликтов, пробельность, поливариантность отдельных норм, неопределённость ряда норм, декларативность некоторых положений. Любое из дефектных положений Конституции РФ может стать основой его развития и уточнения в текущем законодательстве или в решениях Конституционного Суда РФ об абстрактном или казуальном толковании. Совершенно обоснованным выглядит вывод А.А. Белкина о том, что «безупречность конституции... не может быть достигнута на стадии сочинения или обсуждения проекта», поскольку «достигается через осуществление конституции и стимулируемую практикой осуществления последующую модификацию конституции» [13. С. 88].

Так, «недосказанность» положений ч. 2 ст. 137 Конституции РФ в части регулирования вопроса о том, каким органом и в какой форме должно включаться новое наименование субъекта Российской Федерации в ст. 65 Конституции РФ повлекла за собой появление Постановления Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. по делу «О толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации». В этом Постановлении Суд сформулировал, по сути, норму права, в соответствии с которой «новое наименование субъекта Российской Федерации включается в статью 65 Конституции Российской Федерации указом Президента Российской Федерации» [14].

Или другой пример, связанный с неопределённостью нормы Конституции РФ. Неопределённость правовой нормы влечёт за собой её разное понимание, толкование, а также допускает вероятность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведёт к произволу. Ещё серьёзнее ситуация, когда речь идёт о норме Конституции РФ, которая из-за своей неопределённости подвергается односторон-

ней трактовке, подрывающей её демократический потенциал. Иллюстрацией может послужить Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. по делу «О толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации». По данному Постановлению трое судей Конституционного Суда (Н.В. Витрук, В.О. Лучин, В.И. Олейник) выразили особые мнения, что весьма показательны. В своём запросе Государственная Дума просила Конституционный Суд разъяснить, вправе ли Президент РФ вновь представлять отклонённую Государственной Думой кандидатуру Председателя Правительства РФ. Суд решил, что «Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды, либо представлять каждый раз нового кандидата» [15]. Прав Н.В. Витрук, отмечая в своём особом мнении, что «исходя из буквального смысла текста статьи 111... вытекает следующее общее правило: Президент Российской Федерации должен представлять каждый раз новую кандидатуру на пост Председателя Правительства Российской Федерации при её отклонении Государственной Думой» [16. С. 4], ибо слово «кандидатур» предполагает множественность лиц. Таким образом, Суд расширил варианты поведения главы государства в сравнении с буквальным смыслом конституционных положений.

Второй юридической причиной преобразования Конституции РФ выступает её «жесткость», т.е. усложнённость процедуры текстуального видоизменения. В условиях «сверхстабильности» Конституции РФ возрастает роль федеральных и региональных законов, которые призваны оперативно развивать и наполнять конкретным содержанием нормы Основного закона, приближая его к повседневной жизни. Здесь на пути нормальной реализации Конституции РФ могут возникнуть два препятствия: «запаздывание» необходимого закона, в том числе из-за намеренного затягивания его принятия, и деформация подлинного смысла конституционной нормы в текущем законодательстве.

В первом случае заинтересованные уполномоченные субъекты вынуждены обращаться в Конституционный Суд с тем, чтобы получить от него официальные разъяснения и действовать непосредственно в соответствии с конституционными нормами. Но Конституционный Суд может в предусмотренных законом случаях ограничиться отказным определением. Например, отсутствие в течение длительного времени федерального закона, устанавливающего общие принципы организации системы органов государственной власти субъектов РФ, побудило Законодательное Собрание Владимирской области обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. Однако Суд Определением от 4 февраля 1997 г. отказал в принятии запроса к рассмотрению ввиду того, что ответ на вопросы, поставленные в обращении, означал бы создание новых правовых норм. Кроме того, Конституционный Суд РФ может неадекватно истолковать соответствующую конституционную норму, а значит осуществить её преобразование. Последнее хорошо заметно на примере правового ре-

гулирования сферы совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Отсутствие до 1999 г. федерального закона, конкретизирующего положения ч. 2 ст. 76 Конституции РФ относительно допустимости (или недопустимости) опережающего правового регулирования субъектами РФ вопросов совместного ведения, обусловило появление правовой позиции Конституционного Суда РФ о допустимости такого регулирования [17]. По мнению ряда исследователей, вывод Суда является спорным, ибо буквальное прочтение ч. 2 ст. 76 Конституции РФ свидетельствует о первичности федерального законодательного регулирования предметов совместного ведения. Не оспаривая правильности и своевременности правовой позиции Суда, следует отметить: двусмысленность положений ч. 2 ст. 76 Конституции РФ позволяли с той же вероятностью сделать и обосновать противоположный вывод. Однако медлительность федерального законодателя на фоне расширяющейся практики опережающего правового регулирования предопределили решение вопроса в пользу субъектов Федерации. Впоследствии указанная правовая позиция нашла отражение в ч. 2 ст. 12 ранее действующего Федерального закона от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [18]. Тем самым Закон автоматически «подкорректировал» смысл положений ч. 2 ст. 76 Конституции РФ. В известной мере это неудивительно: действующая Конституция включает в себя немало абстрактных и вариативных норм, реализация которых посредством различных по юридической силе нормативных актов затрудняет сохранение подлинного смысла конституционных положений. Это возможно и при многочисленных трансформациях того или иного закона, затрудняющих его нормальное применение. Например, Федеральным законом от 22 августа 2004 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были внесены изменения и дополнения в 155 законов и 41 закон признан утратившим силу. Более того, названный закон за сравнительно непродолжительный период своего действия претерпел 25 редакций (в настоящее время действует в редакции от 1 декабря 2007 г., с изм. от 31 января 2008 г.).

Возможность преобразования Конституции РФ заложена и в ряде конкретных норм действующего законодательства. Во-первых, это положения абз. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми Суд «принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся

правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» [19]. Следовательно, при абстрактном или казуальном толковании Конституции РФ норма Основного закона оценивается не сама по себе, а в определённой интерпретационной, правоприменительной и системообразующей «оболочке». Тем самым предопределена вероятность нового понимания той или иной конституционной нормы в результате отхода от заложенного в ней буквального смысла. Например, Постановлением Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г. по делу «О проверке конституционности положения части второй статьи 31 закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» было «подправлено» положение части ч. 4 ст. 125 Конституции РФ о субъектах обращения в Конституционный Суд РФ. Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции РФ конституционный Суд РФ «по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, применённого или подлежащего применению в конкретном деле». Однако в указанном Постановлении правом на обращение в Конституционный Суд РФ были наделены также лица без гражданства [20]. Как видно, признание последних надлежащими заявителями фактически породило новую норму права, отличную от буквального понимания приведённых конституционных положений.

Во-вторых, ст. 73 названного Федерального конституционного закона допускает полный или частичный пересмотр Конституционным Судом правовой позиции, выраженной в ранее принятых им решениях. Выше был приведён пример отклонения Конституционного Суда от первоначальной правовой позиции по делу о неконституционности запрета на приватизацию жилых помещений в коммунальных квартирах. Необходимость в этом может быть вызвана существенным изменением содержания правового регулирования либо внеправовыми обстоятельствами, которые действовали на момент формирования прежней правовой позиции. При этом последняя сохраняет свою юридическую силу. Соответственно Конституционный Суд РФ может вернуться к ней в будущем, когда она будет соответствовать реалиям. Парадоксальность ситуации заключается в том, на основании одной и той же нормы сосуществуют два разных, но одновременно правильных её понимания.

В-третьих, нормы Конституции РФ могут быть преобразованы посредством чрезвычайного законодательства. Сама Конституция РФ предусматривает вынужденную «корректировку» тех своих норм, которые действуют в условиях общего (нормального) правового режима. В ч. 1 ст. 56 закреплено правило, согласно которому «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия». На основании и в развитие этой нормы 30 мая 2001 г. был принят Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», установивший специальные меры и временные ограничения (ст. 11), ограничение прав граждан Российской

Федерации на участие в выборах и референдуме (ст. 14), органы особого управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение (ст. 22, 24) [21]. Например, п. «б» ст. 11 этого Закона, предусматривающий «установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с неё», нейтрализует норму ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, закрепляющую право на свободу передвижения и выбор места пребывания на территории России. Пункт «б» ст. 12 Закона, предусматривающий «ограничение свободы печати и других средств массовой информации путём введения предварительной цензуры», нейтрализует положения ч. 5 ст. 29 Конституции РФ о свободе массовой информации и запрете цензуры. До введения в действие Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. действовал закон РСФСР «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г., содержащий во многом аналогичные нормы (например, ст. 22, 23) [22]. Имели место и прецеденты введения чрезвычайного положения в отдельных местностях Российской Федерации. Так, указом Президента РФ от 2 декабря 1994 г. особый правовой режим был введён на части террито-

рии Республики Северная Осетия и Ингушской Республики [23]. На основании и во исполнение действующего в то время Закона, данным указом было запрещено проведение забастовок, собраний, манифестаций (п. 4) и установлены иные ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, «преобразование» Конституции РФ представляет собой самостоятельное, объективное и уникальное явление. В современных российских условиях оно представляет собой оптимальный вариант развития отечественной Конституции. Это обусловлено преимуществами «преобразования» в сравнении с текстуральной модификацией Основного закона. К числу таких преимуществ относятся гибкость (приспособляемость к существенно изменившимся обстоятельствам); оперативность; сравнительно высокая вероятность избежания социально-политических катаклизмов, часто сопровождающих реформирование конституции. Преобразование Конституции РФ имеет детерминированный характер, поскольку обусловлено определёнными причинами. Причины имеют как внеправовой, так и правовой характер, хотя их воздействие на нетекстуальное видоизменение действующей Конституции одинаково существенно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еллинек Г.* Конституции, их изменения и преобразования / Пер. с нем. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907.
2. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1909.
3. *Понтович Э.Э.* О правах органов Союза и союзных республик в области законодательства // *Право и жизнь.* 1927. № 5.
4. *Лукьянов А.И.* Раздумья о конституции // Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1.
5. *Авакян С.А.* Проблемы реформы конституции // *Российский конституционализм: проблемы и решения: Материалы междунар. конф.* М., 1999.
6. *Митюков М.А.* О преобразовании Конституции Российской Федерации // *Право и власть.* 2001. № 1.
7. *Путин В.В.* Наш долг – бережно относиться к Конституции // *Журнал российского права.* 2004. № 1.
8. *Корня А.* Конституции приспособят к жизни // *Независимая газета.* 2004. 1 марта.
9. *Собрание законодательства РФ.* 2007. № 30. Ст. 3989.
10. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1998 года по делу «О проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова»* // *Собрание законодательства РФ.* 1998. № 45. Ст. 5603.
11. *Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций»* // *Российская газета.* 2001. 4 апреля.
12. *Собрание законодательства РФ.* 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709.
13. *Белкин А.А.* Пересмотр конституции (теоретические аспекты) // *Правоведение.* 1995. № 1.
14. *Собрание законодательства РФ.* 1995. № 49. Ст. 4868.
15. *Собрание законодательства РФ.* 1998. № 52. Ст. 6447.
16. *Российская газета.* 1998. 29 декабря.
17. *Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 года по делу «О проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области»* // *Собрание законодательства РФ.* 1996. № 7. Ст. 700.
18. *Собрание законодательства РФ.* 1999. № 26. Ст. 3176.
19. *Собрание законодательства РФ.* 1994. № 13. Ст. 1447.
20. *Собрание законодательства РФ.* 1998. № 9. Ст. 1142.
21. *Собрание законодательства РФ.* 2001. № 23. Ст. 2277.
22. *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР.* 1991. № 22. Ст. 773.
23. *Указ Президента РФ от 2 декабря 1994 года «О введении чрезвычайного положения на части территории Республики Северная Осетия и Ингушской Республики»* // *Собрание законодательства РФ.* 1994. № 32. Ст. 3335.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 марта 2009 г.